

A woman in a red coat holding blueprints talking to a man in a dark coat on a cobblestone street at dusk. The background features a building under renovation with scaffolding and lit windows.

Вера Вольф

Цена возвращения

Вера Вольф

Цена возвращения

<https://litres.ru/73892794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Северов выкупил дом детства, чтобы заглушить вину. Вика - архитектор, нанятая превратить руины в современный объект. Она видит его ложь насквозь. Он пытается купить прошлое, но не может выкупить доверие.

Между ними - бетонная пыль, старые тайны и притяжение, которое рушит все планы. Один честный разговор может всё исправить. Или уничтожить окончательно.

Жанр: Современная проза Психологическая драма Slow burn

Тропы: Искушение вины От отчуждения к близости Реализм
Москва

Подписывайтесь на обновления. История о том, как цена прошлого становится платой за будущее.

Содержание

Глава 1. Позиция	4
Глава 2. Нагретый камень	19
Глава 3. Вторая ступенька	33
Глава 4. Правда не вся	49
Глава 5. Не то, что удобно	64
Глава 6. Вторая сторона	79
Г	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Вера Вольф

Цена возвращения

Глава 1. Позиция

Апрель в Москве - это не весна. Это обещание весны, которое дают и тут же забирают. С утра светило, к полудню затянуло, и сейчас, в половину третьего, за стеклом переговорной шёл дождь - негромкий, без злости, просто шёл.

Вика разложила чертежи на столе в той последовательности, в которой привыкла их показывать: сначала концепция, потом разбивка по зонам, потом фасад. Три стопки. Между ними - ноутбук с открытой презентацией. Всё выверено.

Помощник - молодой, в очках, с планшетом - сказал, что Северов будет через десять минут, и вышел. Запах кофе из автоматической машины в углу успел стать фоном.

Вика прошлась вдоль окна. Потом вернулась к столу. Потом снова к окну.

Она не волновалась. Она никогда не волновалась перед встречами - это было бы непрофессионально. Просто иногда ей нужно было пройтись.

Объект был интересный. Не тем, что большой - как раз нет, небольшой особняк в Замоскворечье, конец девятнадцатого века, два этажа плюс полуподвал, дворовый флигель

в аварийном состоянии. Интересный потому, что уцелел. Вокруг давно уже стояли стекло и бетон, а он стоял - с облупленной штукатуркой, с окнами в деревянных переплётах, с воротами, которые явно не открывали лет тридцать. Вика видела его два дня назад на выезде и долго стояла перед этими воротами: кованые, некрасивые, с рыжими подтёками ржавчины по нижней трети. Ничего особенного. И всё-таки.

Дверь открылась без стука.

Вика обернулась.

Он был не такой, каким она его представляла. Застройщики - это отдельная порода: громкие голоса, крупные жесты, разговор с первой секунды как переговоры. Этот вошёл тихо. Не вкрался - именно вошёл, занял пространство без объявления о себе. Тёмное пальто, ещё влажное от дождя. Лет тридцать семь, может, сорок. Лицо - не запоминающееся с первого взгляда, но такое, которое замечаешь потом.

- Виктория Ларина, - сказал он. Не вопрос, просто обозначил.

- Вика. - Она подала руку. - Северов?

- Да.

Рукопожатие было коротким и без демонстрации. Он посмотрел на стол с чертежами - быстро, профессионально - и переместился к окну. Встал рядом, посмотрел на дождь.

Помощник с планшетом возник на пороге, Северов коротко покачал головой, и тот исчез.

- Кофе? - предложила Вика.

- Нет.

Она привыкла к тому, что первые десять минут любой встречи уходят на ритуал: как добрались, сложный рынок, слышали про тот проект в Хамовниках. Этот человек, судя по всему, не собирался тратить на это время.

- Тогда начнём. - Вика вернулась к столу и открыла верхний лист. - Я ознакомилась с техзаданием и выезжала на объект. Прежде чем я покажу концепцию, у меня есть несколько вопросов - они повлияют на решение.

Северов отошёл от окна и остановился по другую сторону стола. Не сел. Смотрел на чертёж.

- Спрашивайте.

- Флигель. В техзадании написано «снос», но конструктив там, судя по всему, крепче, чем кажется. Вы его проверяли?

- Нет.

- Хорошо. Я проверю - это влияет на смету и на планировочное решение двора. - Вика перевернула следующий лист. - Теперь про ворота.

Что-то в нём изменилось. Почти неуловимо - чуть более внимательный взгляд.

- Что с воротами?

- В техзадании их нет. Ни в сносе, ни в реставрации. Это пропуск или позиция?

Пауза была короткой, но она была.

- Позиция, - сказал он.

Вика кивнула и сделала пометку в блокноте. Ворота - оста-

вить. Это меняло логику входной группы, но зато давало точку опоры для всей концепции. Иногда ограничение - это под-сказка.

- Тогда смотрите.

Она показывала методично, без лишних слов. Концепция была простой в формулировке и сложной в реализации: не реставрация и не новодел, а разговор между двумя временами. Старая кладка остаётся там, где она несёт смысл, новые объёмы встраиваются без имитации. Граница между ними - видна.

Северов слушал, не перебивал. Когда она перешла к фасадному решению, он наклонился над чертежом - не чтобы взять, просто посмотреть ближе. Вика заметила: руки у него спокойные. Не сложены, не в карманах - просто по бокам. Человек, который привык ждать.

- Вот здесь, - она указала на угол главного фасада, - я предлагаю сохранить оригинальный карниз. Он в хорошем состоянии, и он держит масштаб улицы. Если снять - здание потеряет пропорцию.

- Сколько это добавляет к смете?

- Реставрация карниза - от восьмисот тысяч. Зависит от объёма повреждений под штукатуркой.

- Хорошо.

Не «подумаем», не «посмотрим». Просто - хорошо. Вика сделала ещё одну пометку. Это был тот редкий тип заказчика, который не торгуется там, где торговаться не стоит. Ли-

бо у него действительно есть бюджет, либо он понимает, что покупает.

Она дошла до последнего листа.

- Это предварительная концепция дворового пространства. Двор сейчас закрытый, весь в асфальте. Я предлагаю его раскрыть - убрать часть покрытия, дать свет флигелю, если он останется. И вот здесь, - она провела пальцем по линии, - ворота становятся не просто входом, а границей. Снаружи - город. Внутри - другое время.

Северов долго смотрел на лист. Вика ждала.

- Других предложений по воротам не будет?

- Нет. - Она убрала руку. - Если это позиция - я с ней работаю.

Что-то в его лице сдвинулось. Не улыбка. Просто - сдвинулось.

- Хорошо, - сказал он снова.

Вика закрыла блокнот.

- Тогда вот что я предлагаю: я дорабатываю концепцию с учётом флигеля - мне нужна неделя и доступ на объект для замеров. После этого встречаемся снова, смотрим детали, договариваемся об условиях.

- Доступ будет завтра. - Северов выпрямился. - Позвоните Алексею, он вам всё организует.

- Алексей - это помощник с планшетом?

- Да.

Вика кивнула и начала собирать чертежи. Северов не

ушёл сразу - постоял, глядя на стол, потом снова на окно. Дождь за стеклом усилился на одно мгновение и снова притих.

- Вы сказали - другое время, - произнёс он. - Про двор.

Вика подняла взгляд.

- Да.

- Почему именно это слово?

Она подумала секунду.

- Потому что здание помнит. - Вика сложила последний лист. - Не каждое, но это - помнит. Мне кажется, важно, чтобы это было видно.

Пауза.

- Я купил этот участок три года назад, - сказал Северов. - До этого он принадлежал другому человеку. До этого - его семье. До этого, в тридцатые, - государству. А до этого - моему деду.

Вика не ответила. Иногда правильный ответ - не отвечать.

- Я вырос в этом доме, - продолжил он. - До десяти лет. Потом мы съехали.

- Почему вы вернули его?

Он посмотрел на неё прямо - первый раз за весь разговор именно так, без взгляда на бумагу или в сторону.

- Я его продал. - Пауза. - Три года назад я выкупил участок обратно. Дороже в семь раз.

Ни слова больше. Никаких объяснений. Просто факты - как цифры в смете.

Вика поняла: он не ждёт от неё сочувствия и не ищет понимания. Он сказал - и всё. Закрыв вопрос, которого она не задавала.

- Теперь хочу построить что-то, за что не стыдно, - добавил он.

Пауза. Больше ничего.

Вика посмотрела на него ещё секунду, потом опустила взгляд на блокнот.

- Я поняла задачу, - сказала она.

Алексей проводил её до лифта. По дороге сказал, что пришлёт адрес и контакт охранника на объекте. Вика кивала и думала о воротах. Кованые, ржавые, с незаметным на первый взгляд рисунком на поперечной перекладине - она заметила его только когда стояла совсем близко. Что-то растительное, стёртое временем. Не восстановить, но - оставить.

Он сказал: позиция.

В лифте она достала телефон и открыла заметки.

Ворота - точка опоры. Двор - граница. Флигель - под вопрос.

Потом посмотрела на последнюю строчку и добавила ещё одну.

Заказчик знает, что он делает. Или - она поймала себя на этой мысли и чуть поморщилась - заказчик очень хорошо знает, как выглядит человек, который знает, что делает.

Лифт открылся в холл. За стеклянными дверями шёл

дождь.

Вика убрала телефон и вышла.

Объект был в Замоскворечье, минутах в двадцати отсюда на такси, но она пошла пешком. Просто чтобы пройтись. Просто потому что иногда ей нужно было пройтись.

Улица вела её мимо кофейни с запотевшим стеклом, мимо двух строителей под козырьком, мимо старика с собакой, которая упрямо нюхала каждый столб. Вика шла быстро и ни на что особенно не смотрела - просто двигалась, и в движении что-то раскладывалось по местам само.

Объект был хорошим. Это она знала ещё с первого выезда, но теперь знала точнее: не просто хорошим - редким. Таких в центре почти не осталось. Либо уже снесены, либо так отреставрированы, что от оригинала - только название в реестре. Этот стоял как стоял, со своими трещинами и своей памятью, и кто-то принял решение его не трогать. Купил. Ждал. Теперь строит.

Она думала про Северова - и тут же поморщилась, потому что думать про заказчика в таком ключе было привычкой, от которой она уже несколько лет пыталась избавиться. Анализировать - да. Понимать, чего хочет, что для него важно, где будет давить на смету, а где - нет. Это работа. Но думать про то, как он стоял у окна. Про руки.

Это уже не работа.

Особняк показался из-за угла сразу - как будто вышел на-

встречу. Вика остановилась.

Он был меньше, чем казалось по фотографиям. Или, наоборот, точно такой, как казалось, - просто вживую масштаб ощущается иначе. Два этажа, тёмные окна, облупленный фасад с остатками лепнины. И ворота - прямо перед ней, метрах в пяти.

Вика подошла ближе.

При дневном свете ворота выглядели тяжелее, чем она запомнила. Металл потемнел неравномерно - там, где ржавчина не добралась, он был почти чёрным, матовым. Рисунок на поперечной перекладине она нашла сразу: листья, завитки, что-то похожее на виноградную лозу. Почти стёртое. Если не знать - не заметишь.

Она достала телефон и сфотографировала.

За воротами - узкая арка, потом двор, угаданный, но не видный. Асфальт, трещина поперёк, в трещине - прошлогодняя трава, сухая и упрямая. Вика потянула за ручку - просто проверить. Заперто, конечно. Замок новый, явно поставленный недавно.

Она отступила на шаг и посмотрела на здание целиком.

Граница. Снаружи - город. Внутри - другое время.

Хорошо, что она это сказала. Хорошо, что он услышал именно так, как услышал.

Дождь снова начинался - совсем тихо, почти неощутимо, просто воздух стал другим. Вика подняла воротник и достала блокнот прямо на улице.

Флигель - замеры. Кровля - состояние. Фундамент - нужен геолог. Ворота - консервация, не реставрация. Рисунок - задокументировать.

Последнее подчеркнула.

На следующий день Алексей прислал сообщение в половине восьмого утра: охранник на месте с девяти, код от калитки - четыре цифры, можно приезжать в любое время. Вика ответила, что будет к десяти, и поехала.

Двор оказался больше, чем она ожидала по плану. Асфальт везде - от стены до стены, без единого живого места, серый и плоский, как черновик. Флигель в дальнем углу смотрел тремя окнами, два из которых были заколочены фанерой. Четвёртое - целое, но грязное.

Она начала с фасада. Рулетка, блокнот, пометки. Привычный ритм: измерить, записать, сфотографировать, сдвинуться. Работа, в которой думаешь и одновременно не думаешь - тело само знает, что делать, а голова в это время раскладывает.

Она была в дальнем конце двора, когда за спиной скрипнула калитка.

Вика обернулась.

Северов вошёл без предупреждения - как и вчера, без объявления о себе. Тёмная куртка, руки в карманах. Посмотрел на неё, потом на флигель, потом снова на неё.

- Я не знал, что вы сегодня, - сказал он.

- Алексей не сказал?

- Я не спрашивал.

Пауза. Вика убрала рулетку.

- Буду мешать?

- Нет.

Он кивнул и остался стоять там, где стоял. Не подошёл, не предложил помощь. Просто - остался. Как будто имел право быть здесь молча, и оба это понимали.

Вика вернулась к работе.

Она мерила, записывала, иногда фотографировала. Он ходил по двору - медленно, без цели, иногда останавливался у стены и смотрел на кладку, иногда поднимал взгляд на крышу. Ни разу не заговорил первым. Вика поймала себя на том, что несколько раз отмечала, где он стоит, - не специально, просто боковым зрением. Профессиональный рефлекс, сказала она себе. Нужно понимать, кто где в пространстве. Просто рефлекс.

- Флигель крепкий, - сказала она, когда обошла его по периметру. - Стены полметра, кирпич хороший. Кровля плохая - там течёт, видно по пятнам внутри. Но конструктив держит. Если перекрыть и законсервировать сейчас - можно спасти.

Северов подошёл и встал рядом. Посмотрел туда, куда смотрела она.

- Дед говорил, что здесь держали лошадей, - сказал он. - Потом - дрова. Потом просто стоял.

- Хотите оставить?

Пауза.

- Не знаю ещё.

Честный ответ. Вика это оценила - заказчики редко говорят «не знаю», обычно предпочитают любую позицию, лишь бы казаться определившимися. Она записала в блокноте: флигель - решение открыто.

- Если оставить - это меняет двор полностью, - сказала она.

- Можно сделать переход, накрытый переход между корпусами. Или оставить отдельным объёмом. Или снести и расширить двор. Три разные истории.

- Какую из них вы бы выбрали?

Вика помолчала секунду.

- Первую. - Она убрала блокнот. - Переход. Потому что тогда дом перестаёт быть просто фасадом - у него появляется глубина. Снаружи видишь одно. Заходишь - и есть ещё что-то за этим.

Северов смотрел на флигель. Молчал долго - не неловко, просто долго.

- Хорошо, - сказал наконец. - Подумаю.

Вика снова взяла рулетку.

Они провели в этом дворе ещё около часа. Она работала, он ходил. Иногда она задавала вопрос - про проводку, про подвал, про дату последнего капремонта. Он отвечал коротко, иногда говорил «не знаю, уточню». Ни разу не попытался объяснить ей, как делать её работу. Ни разу не сказал «а вот

предыдущий архитектор».

Уходя, она остановилась у ворот. Посмотрела на рисунок - при утреннем, уже проясневшем свете он был чуть виднее, чем вчера.

- Этот рисунок - вы знаете, что это?

Северов оглянулся.

- Хмель, - сказал он. - Бабушка говорила.

Вика кивнула и вышла.

Хмель. Растение, которое цепляется и тянется вверх. Она занесла это в блокнот уже на улице, одним словом.

В бюро она вернулась в начале шестого. Марина сидела у своего стола с чашкой чая и листала что-то в телефоне. Подняла взгляд.

- Ну как?

- Нормально, - сказала Вика, не снимая пальто. - Интересный объект.

- А заказчик?

Вика повесила пальто на крючок.

- Тихий.

Марина поставила чашку.

- Это плохо?

- Это странно. - Вика прошла к своему столу. - Застройщики не бывают тихими.

- Может, он просто воспитанный.

- Может. - Она открыла ноутбук. - Или у него нет причин

шуметь.

Марина некоторое время смотрела на неё. Вика делала вид, что читает почту.

- Он красивый?

- Марина.

- Просто уточняю. Для анамнеза.

- Объект. - Вика не подняла взгляда от экрана. - Всё, работаем.

- Ты уже два раза сказала «объект» вместо ответа, - заметила Марина. - Это называется «уклонение».

- Это называется «рабочий день ещё не закончился».

- Ладно. - Марина взяла чашку. - Но когда закончится - расскажешь.

- Нечего рассказывать.

- Именно поэтому расскажешь.

Вика посмотрела на неё наконец. Марина смотрела обратно - спокойно, без торжества, просто с тем выражением, которое означало: я подожду.

- Он сказал, что продал дом своего деда, - сказала Вика. - А потом выкупил обратно. Дороже в семь раз.

Марина помолчала.

- Зачем?

- Вот именно.

Они посмотрели друг на друга ещё секунду. Потом Вика развернулась к экрану.

- Работаем.

Марина не ответила. Только поставила чашку и тоже открыла ноутбук. Это было одним из немногих её достоинств - умение замолчать в нужный момент.

За окном бюро Москва уже включала огни - постепенно, квартал за кварталом. Вика открыла новую папку, назвала её Замоскворечье_Северов и начала работать.

Ворота она вспомнила ещё раз - уже поздно, когда выключала свет. Просто так. Без повода.

Кованые, ржавые. Хмель на перекладине - почти стёртый. Позиция.

Глава 2. Нагретый камень

Неделя на замеры растянулась в полторы.

Не потому что объект оказался сложнее - хотя и это тоже. Просто Вика привыкла работать до тех пор, пока не появлялось ощущение, что она знает здание. Не план, не цифры - именно здание. Как оно стоит, как держит свет, где тянет сквозняком и почему. Это нельзя было снять рулеткой. Это приходило только от времени, проведённого внутри.

Она приезжала утром, уходила после обеда. Иногда возвращалась к вечеру - посмотреть, как меняется свет. Охранник - немолодой, молчаливый, с термосом - привык к ней на третий день и перестал провожать взглядом.

Северов появлялся без расписания.

Раз в два дня, иногда чаще. Всегда без предупреждения - просто скрипела калитка, и он был уже во дворе. Смотрел на что-то своё, иногда заходил внутрь, иногда просто стоял. С Викой здоровался коротко и не мешал. Она отвечала так же.

На пятый день он спросил про подвал.

- Там затоплено, - сказала она. - Сантиметров двадцать, может, больше. Нужна откачка и обследование гидроизоляции. Это отдельная статья.

- Я знаю.

- Знаете?

- Там всегда топило. - Он смотрел на дверь в подвал - низ

кую, с облупленной краской. - Весной особенно. Дед ставил доски у порога.

Вика записала. Не про доски - про то, что он это помнит. Такие детали важны: если человек помнит запах подвала и доски у порога - он не просто покупает объект. Он возвращает что-то, у чего нет рыночной цены.

- Значит, проблема старая, - сказала она. - Тем более нужно делать правильно, а не латать.

- Согласен.

Вот так это работало. Она говорила - он слушал. Иногда отвечал коротко, иногда добавлял деталь из памяти, которая неожиданно оказывалась полезной. Никаких «а вот я думал», никакого «мой знакомый строитель говорит». Просто - слушал и давал работать.

Это было непривычно.

На шестой день она полезла в подвал.

Дверь открывалась внутрь - Вика потянула, та подалась с усилием, с хрустом набухшего дерева. Снизу пахло сырым, холодным, каким-то давним. Она включила фонарик на телефоне и начала спускаться.

Ступеней было восемь. На третьей она почувствовала под подошвой что-то мягкое - доска прогнулась, но выдержала. Она сделала пометку в уме и пошла дальше.

Воды было сантиметров пятнадцать - мутной, тёмной, с радужной плёнкой у стены. Вика остановилась на последней ступени, не заходя. Обвела фонариком периметр: стены в

высолах, кирпич кое-где крошится, в дальнем углу - остатки деревянных полок, почерневших. На одной полке стоял то ли горшок, то ли банка - не разобрать.

Она фотографировала методично, угол за углом.

- Там есть что-нибудь?

Вика обернулась. Северов стоял в дверном проёме наверху - не на ступенях, именно в проёме. Смотрел вниз, но не двигался.

- Воды меньше, чем я думала. Стены плохие, но не критично. - Она сделала последний кадр. - Вы не спускаетесь?

Пауза.

- Нет.

Просто - нет. Без объяснений. Вика поднялась обратно, отряхнула колено - зацепила стену - и вышла на свет. Северов отступил, дал ей пройти.

- Там в углу что-то стоит на полке, - сказала она. - Банка или горшок. Не разглядела.

Он молчал секунду.

- Дед делал заготовки, - сказал он. - Мама говорила. Огурцы, что-то ещё. Держал здесь.

Вика посмотрела на него. Он смотрел на закрытую дверь подвала - не на неё.

- Хотите, чтобы я достала?

- Нет. - Короткая пауза. - Не нужно.

Она записала в блокнот: подвал - откачка, гидроизоляция, замена ступеней (3-я - срочно). И ничего больше. Некоторые

вещи не нужно записывать.

На восьмой день они поспорили про окна.

Вика показала вариант: главный фасад, второй этаж, три оконных проёма. В оригинале - деревянные переплёты, частые, с небольшими стёклами. Она предлагала оставить рисунок переплёта, но заменить сам материал на современный профиль - теплее, дешевле в обслуживании, почти неотличимо внешне.

Северов смотрел на чертёж молча. Потом сказал:

- Нет.

Вика подняла взгляд.

- Нет - это «нет вообще» или «нет, давайте обсудим»?

- Нет вообще. - Он вернул ей лист. - Дерево.

- Дерево - это плюс полтора миллиона к смете и обслуживание каждые пять лет.

- Я знаю.

- И это не визуально заметная разница снаружи. Пластик того же цвета, тот же рисунок переплёта - прохожий не отличит.

- Я отличу.

Вика положила лист на стол. Посмотрела на него.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда нужен столяр, который работает с историческим материалом. Это отдельный поиск.

- У меня есть контакт.

- Покажете?

- Да.

Вот и весь спор. Никакого «вы же профессионал, послушайте меня», никакого торга. Просто - нет, дерево, я знаю цену. Вика добавила в смету строчку и перешла к следующему пункту.

Она думала об этом потом, уже в метро. Обычно споры про смету - это про деньги. Человек видит цифру и начинает искать, где срезать. Этот не срезал там, где срезать нельзя. Зато ни разу не предложил сэкономить на том, что важно.

Либо у него очень много денег.

Либо он очень хорошо понимает разницу между ценой и стоимостью.

Вика склонялась ко второму - и тут же поймала себя на этом и убрала мысль подальше.

На десятый день она смотрела балки.

Конструктор дал заключение накануне: три балки в хорошем состоянии, остальные под замену. Вика хотела увидеть сама - не потому что не доверяла конструктору, а потому что ей нужно было знать, как они выглядят. Цвет, фактура, как свет ложится на дерево.

Она встала на стремянку и смотрела в потолок. Балки были тёмными, почти чёрными от времени - не гнилыми, просто старыми. По одной шла трещина вдоль волокна, неглубокая, декоративная почти. Вика провела по ней пальцем.

- Эти три - вот эта, средняя и крайняя справа - оставляем, - сказала она, ни к кому особенно не обращаясь. Потом поняла, что Северов стоит внизу, и добавила: - Они будут вид-

ны в интерьере. Это не декор, просто - останутся.

- Хорошо.

- Их нужно будет обработать. Есть состав, который не меняет цвет - только закрепляет.

- Хорошо.

Она спустилась со стремянки. Северов смотрел на балки - туда, куда только что смотрела она. Молчал.

- Что? - спросила Вика.

- Ничего. - Он опустил взгляд. - Я здесь прятался иногда. В детстве. Залезал на чердак через люк - он был вот там, - он указал в угол, - и сидел.

- От кого прятались?

- Ни от кого. - Пауза. - Просто - сидел.

Вика посмотрела в угол, где был люк. Сейчас там ничего не было - просто старая штукатурка.

- Люк заделали?

- Видимо. При ком-то из прежних хозяев.

- Можно восстановить, если хотите. Технически - несложно.

Северов помолчал.

- Не нужно, - сказал он наконец. - Это было тогда.

Вика кивнула и сложила рулетку. Некоторые вещи не нужно возвращать - даже если можно.

Концепцию она привезла через десять дней после первой встречи. Не в переговорную - прямо на объект, как они и договорились. Распечатки в тубусе, ноутбук в сумке, блокнот

в кармане.

Северов был уже там. Стоял у флигеля и разговаривал по телефону - коротко, несколько слов. Увидел её, кивнул и закончил звонок.

- Готовы?

- Да.

Они зашли внутрь. В главном корпусе уже работали - несколько рабочих разбирали внутренние перегородки советской постройки, временные, фанерные. Пыль, шум, запах старого дерева. Вика нашла угол, где можно было разложиться, и развернула чертежи прямо на подоконнике.

- Смотрите.

Она показывала медленно, давая время посмотреть. Концепция выросла из того, что она поняла за эти дни: здание не нужно «реставрировать» в смысле возвращения к какому-то одному состоянию. У него было слишком много состояний - дореволюционное, советское, постсоветское. Каждое оставило след. Вика предлагала не стирать следы, а выстроить между ними разговор.

- Вот эта стена, - она указала на несущую, с выбитой штукатуркой, - здесь кирпич девятнадцатого века. Я предлагаю не штукатурить. Оставить открытым, обработать консервантом. Рядом - новая перегородка, современный материал, чистая геометрия. Они стоят рядом, и видно, что они из разного времени. Это не ошибка - это и есть здание.

Северов смотрел на стену, потом на чертёж.

- А дальше?

- Дальше - перекрытия. Часть оригинальных балок можно сохранить. Я разговаривала с конструктором - три балки в хорошем состоянии, остальные меняем. Те, что останутся, будут видны в интерьере. Не как декор - просто останутся.

- Сколько это добавляет?

- К тому, что вы потратили бы на полную замену? Почти ничего. Работы больше, но материала меньше.

Он снова смотрел на чертёж. Долго.

- Покажите флигель.

Вика перевернула лист.

Флигель она проработала в трёх вариантах, как и обещала. Первый - снос, расширение двора, открытое пространство. Второй - консервация, флигель как отдельный объём, без функции, просто стоит. Третий - переход, накрытый переход между корпусами, флигель становится частью здания.

- Я не рекомендую второй, - сказала она сразу. - Консервация без функции - это деньги на ветер. Он всё равно будет разрушаться, просто медленнее.

- Значит, первый или третий.

- Да.

Северов стоял над чертежом. Один из рабочих в соседней комнате что-то уронил - гулко, с эхом. Никто не обернулся.

- Что даёт переход?

- Я уже говорила - глубину. - Вика сложила руки. - Если снести флигель, двор станет больше. Если оставить с перехо-

дом - он станет сложнее. Это разные ощущения от пространства. Большой двор читается сразу. Сложный - открывается постепенно.

- Что-то теряется?

- Свет. - Она указала на схему. - Вот здесь, в углу первого этажа - переход даст тень. Если это кабинет или жилое - нужно думать про дополнительное освещение.

Пауза.

- Третий вариант, - сказал он.

- Уверены?

- Да.

Вика занесла в блокнот: флигель - переход. Решение принято. И почувствовала что-то, что не стала называть вслух, - профессиональное удовлетворение от того, что заказчик выбрал правильно. Именно правильно, а не просто так, как она предлагала. Это разные вещи.

- Теперь двор, - сказала она.

Они проговорили ещё час. Вика показывала, объясняла, иногда спрашивала. Северов отвечал, иногда уточнял. Один раз - только один - не согласился.

Речь шла о мощении двора. Вика предлагала клинкерный кирпич - материал дорогой, но исторически точный и практичный. Северов сказал: булыжник.

- Булыжник - это красиво, - сказала Вика, - но неудобно. Каблуки, колёса, вообще ходить. Плюс укладка сложнее, плюс через десять лет начнёт гулять.

- Он там и был.

Вика помолчала.

- Вы помните?

- Нет. - Северов посмотрел на неё. - Дед говорил. Говорил, что во дворе лежал булыжник и летом от него пахло нагретым камнем.

Вика смотрела на него секунду. Потом открыла блокнот.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда булыжник. Но подложку сделаем правильно - чтобы не гулял.

- Это дороже?

- Немного.

- Хорошо.

Вот так это и работало. Она говорила про деньги - он говорил «хорошо» и двигался дальше. Там, где она предлагала компромисс из соображений бюджета, он не брал компромисс. Там, где она говорила «это важно» - он соглашался без торга.

Вика привыкла бороться за каждую деталь. Отстаивать карниз, объяснять, зачем нужен геолог, доказывать, что вентиляция - это не каприз. Здесь она ни разу не почувствовала, что тратит слова впустую.

Это было странно.

Хорошо - и странно.

Уходя, она снова задержалась у ворот. Привычка, которая появилась сама собой за эти дни: каждый раз, проходя мимо, остановиться на секунду. Посмотреть на рисунок. Убедить-

ся, что он на месте.

Северов вышел следом.

- Вы каждый раз на них смотрите, - сказал он.

Вика не смутилась.

- Я думаю про консервацию. Металл нужно обработать сейчас, пока не пошло дальше. Есть хороший состав, не меняет цвет и фактуру.

- Хорошо.

- И рисунок нужно задокументировать нормально. У меня есть знакомый - он занимается исторической фотофиксацией. Один день работы, не дорого.

- Пришлите контакт.

Вика кивнула и вышла за ворота. Оглянулась уже с улицы - просто проверить пропорцию фасада с этой точки. Северов стоял в проёме ворот и смотрел - не на здание. На неё.

Она отвела взгляд первой и занялась телефоном.

- Ты там ночуешь уже? - спросила Марина, когда Вика в очередной раз вернулась в бюро после шести.

- Работаю.

- Я вижу. Ты работаешь с таким лицом, как будто тебе за это ещё и нравится.

Вика поставила тубус с чертежами в угол.

- Объект хороший.

- Ты это уже говорила.

- Потому что это правда.

Марина повернулась на кресле.

- Заказчик тоже хороший?
- Заказчик нормальный.
- Нормальный - это когда не раздражает?
- Нормальный - это когда не мешает работать.
- А этот не мешает?

Вика открыла ноутбук.

- Нет.

- Это уже не «нормальный», - сказала Марина. - Это «хороший».

- Марина.

- Молчу. - Пауза. - Последнее и замолчу: ты знаешь, как давно ты не говорила про заказчика вообще ничего? Обычно ты приходишь и сразу: душный, не понимает, опять торговался. А сейчас - «нормальный». Два раза за неделю. Это не нормально.

Вика не ответила.

- Всё, молчу, - повторила Марина и развернулась к экрану.

Это было хуже, чем если бы она продолжала. Вика это знала и именно поэтому ничего не сказала - потому что любой ответ прозвучал бы как подтверждение.

Она работала до половины девятого. Когда выходила, в бюро никого уже не было. Марина ушла тихо, не попрощавшись - тоже привычка, означавшая не обиду, а такт.

Вика шла к метро и думала про двор.

Про переход между корпусами - как он изменит ощущение пространства, как свет будет падать утром и как вече-

ром. Про булыжник и про то, что некоторые решения принимаются не из соображений практичности, а из соображений памяти, и это тоже нормально, это тоже часть задачи.

Апрель заканчивался. Вечер был тёплым - первый по-настоящему тёплый вечер за месяц, без ветра, с запахом чего-то живого от газонов. Вика шла и думала про балки, которые останутся. Про люк, который заделали при ком-то из прежних хозяев. Про банку на полке в затопленном подвале.

Про то, как Северов стоял в дверном проёме и не спускался. Просто стоял. Смотрел вниз и не двигался.

Она поймала себя на этом и остановилась у светофора.

Думать про то, как заказчик стоит в дверных проёмах, - это не работа. Совсем не работа. Это другое, и она это знала, и именно поэтому следующие полминуты очень внимательно смотрела на красный сигнал светофора, думая исключительно про гидроизоляцию подвала.

Загорелся зелёный.

Вика перешла улицу и достала телефон. Открыла заметки, написала: подвал - откачка в приоритет, до следующего дождя. Убрала телефон.

Про нагретый камень она вспомнила уже в вагоне метро, когда двери закрылись и поезд тронулся. Просто так - без повода. Запах, которого она никогда не чувствовала, двор, которого не видела таким. И человек, который помнит это с чужих слов - но возвращает так, как будто помнит сам.

Вика закрыла глаза.

Гидроизоляция. Балки. Столяр по историческому дереву.
Контакт фотографа для ворот.
Работа. Просто работа.

Глава 3. Вторая ступенька

Глава 3. Вторая ступенька

Май начался с того, что прорвало трубу.

Не в особняке - в бюро. Прямо над столом Марины, в половине девятого утра, когда та только поставила чайник. Вика приехала через двадцать минут после звонка, застала Марину с ведром и выражением человека, который давно подозревал, что понедельник - это диагноз.

- Сантехник будет в три, - сказала Марина. - До трёх я сижу вот так.

- Перейди за мой стол.

- Я уже перешла. - Марина кивнула на ноутбук, стоявший на подоконнике. - Работаю в полевых условиях. Как ты на объекте.

Вика поставила кофе и не ответила.

- Кстати про объект, - сказала Марина. - Ты сегодня едешь?

- Да. Там геолог с утра, нужно быть.

- И заказчик будет?

- Марина.

- Просто уточняю расписание. - Она переставила ведро на два сантиметра. - Для протокола.

Вика взяла сумку и вышла.

На улице было по-майски неровно: тепло, но с ветром,

небо в крупных облаках, которые двигались быстро. Вика шла к метро и думала про геолога. Геолог был хорошим - она работала с ним на двух предыдущих объектах, он не тянул время и не писал заключений, в которых ничего не понять. Его звали Павел Иванович, он был немногословен и носил одну и ту же куртку круглый год.

Сегодня нужно было закрыть вопрос с фундаментом. Пока он открыт - смета висит в воздухе, и всё остальное тоже.

Павел Иванович уже стоял у ворот, когда она приехала. Рядом - двое его людей с оборудованием. Охранник открыл, все зашли.

Геолог осматривал фундамент методично, без спешки. Вика ходила следом, записывала, иногда спрашивала. Северова не было - она отметила это вскользь и больше не думала.

Через полтора часа Павел Иванович сказал:

- В целом - держит. Вот здесь, с северной стороны, - он показал на угол, - просадка, небольшая, но есть. Нужно усиление. Здесь и вот тут.

- Насколько это серьёзно?

- Для нагрузки, которую вы планируете - терпимо. Но лучше сделать сейчас, пока не строите сверху.

- Сроки?

- Неделя работ, если без задержек.

Вика занесла в блокнот. Потом подняла взгляд на северный угол - там, где просадка. Кирпич снаружи был чуть тем-

нее, чуть влажнее на вид. Незаметно, если не знать.

- Спасибо, Павел Иванович. Пришлите заключение до пятницы?

- Пришлю.

Геологи собрались и ушли. Вика осталась одна во дворе - охранник сидел у будки с термосом, не считался. Она обошла периметр ещё раз, уже без цели, просто чтобы посмотреть.

Двор в мае выглядел иначе, чем в апреле. Из трещин в асфальте лезла трава - зелёная, настойчивая, не та сухая прошлогодняя, что она видела в первый раз. Вика остановилась над одной такой трещиной и смотрела на неё секунду дольше, чем нужно.

Потом услышала скрип калитки.

Северов вошёл так же, как всегда - без объявления. Посмотрел на двор, на Вику, на то, что геологов нет.

- Опоздал?

- Они уже ушли. - Вика убрала блокнот. - Фундамент в целом нормальный. Одно место под усиление, с северной стороны. Я пришлю заключение, как получу.

- Хорошо.

Он прошёл вглубь двора, остановился там, где обычно - у флигеля. Смотрел на стену. Вика собиралась уходить - день был расписан, после обеда встреча с подрядчиком по кровле - но что-то её задержало. Не что-то. Она просто не сразу

взяла сумку.

- Есть вопрос, - сказала она.

Северов обернулся.

- По планировке первого этажа. Я хочу уточнить функцию до того, как закрою разбивку. Там три варианта, и они дают разные решения по несущим.

- Сейчас?

- Если удобно.

Он кивнул, и они зашли внутрь.

В главном корпусе уже было меньше пыли - рабочие закончили разбирать перегородки, вынесли мусор. Пространство первого этажа открылось: высокий потолок с теми самыми балками, широкие окна, свет с двух сторон. Вика каждый раз немного останавливалась здесь - не специально, просто так выходило.

Она разложила план на подоконнике.

- Смотрите. Первый этаж - вот эта зона и вот эта. Если здесь будет офис или переговорные - несущую можно убрать, пространство открытое. Если жилое или гостиничное - несущую оставляем, делим иначе. Третий вариант - смешанная функция, тогда сложнее, но возможно.

Северов смотрел на план.

- Что вы рекомендуете?

- Зависит от того, для чего здание. Вы мне так и не сказали.

Пауза.

- Я ещё не решил, - сказал он.

Вика посмотрела на него.

- Совсем не решили или есть направление?

Он помолчал немного дольше, чем обычно.

- Скорее всего - небольшой отель. Камерный. Или апартаменты с сервисом. Что-то в этом роде.

- Это близкие варианты по планировке. - Вика сделала пометку. - Тогда несущую оставляем, делим на блоки. Это хорошо для здания - меньше вмешательства в структуру.

- Значит, так.

- Хорошо. - Она сложила план. - Тогда мне нужно ещё одно: примерное количество номеров или апартаментов. Хотя бы порядок - десять, двадцать.

- Десять - двенадцать. Не больше.

- Отлично. Это как раз масштаб здания.

Северов отошёл от подоконника и встал у окна. Смотрел во двор - на флигель, на асфальт с трещинами, на траву. Вика убирала бумаги и краем зрения видела его профиль. Он думал о чём-то своём - это было заметно по тому, как он держал паузу.

- Можно вопрос не по делу? - сказал он наконец.

Вика подняла взгляд.

- Можно.

- Почему архитектор?

Она не сразу поняла.

- В смысле?

- Почему вы выбрали эту профессию.

Вика посмотрела на него секунду. Вопрос был неожиданным - не потому что странный, а потому что он его задал. За все эти недели он не спрашивал ни о чём личном. Ни разу.

- Мне нравится, что здания остаются, - сказала она. - Люди уходят, а здания - стоят. Это кажется мне честным.

Северов не ответил сразу.

- Честным, - повторил он. Не вопрос, просто - повторил.

- Да. Здание не притворяется. Оно либо держит, либо нет.

- Вика закрыла сумку. - Это, наверное, звучит странно.

- Нет, - сказал он. - Не звучит.

Молчание было таким, в котором не нужно ничего говорить. Вика почти привыкла к его паузам - к тому, что они не требуют заполнения.

- Вы здесь выросли, - сказала она. - Расскажите мне про дом. Не по документам - просто как помните. Иногда это помогает.

Северов смотрел в окно.

- Что именно?

- Что угодно. Что первым приходит в голову.

Он помолчал.

- Лестница, - сказал он наконец. - Деревянная, с перилами. Одна ступенька скрипела - вторая снизу. Я знал, как её обойти.

Вика ничего не сказала.

- Дед курил на крыльце по вечерам. Мы с ним сидели иногда. Он не разговаривал особенно - просто сидели. - Пауза. - Во дворе пахло камнем летом. Я понял это только когда он сказал - до этого просто чувствовал, не называл.

- А внутри?

- Внутри пахло деревом и ещё чем-то - не знаю чем. Старым, но не затхлым. Просто - старым домом.

Вика кивнула. Записывать не стала.

- Вы сказали - вы здесь жили до десяти лет. Почему уехали?

Пауза была короче, чем она ожидала.

- Отец продал. Нужны были деньги - была возможность, он воспользовался. - Северов говорил ровно, без интонации.

- Мы переехали в квартиру на севере. Нормальная квартира, ничего плохого. Дед остался здесь ещё на год, потом переехал к нам. Он умер через два года после переезда.

- Вы думаете, это связано?

- Не знаю. - Он наконец отвернулся от окна. - Я думал об этом. Он был не из тех, кто говорит о таких вещах.

Вика посмотрела на него.

- А вы?

Северов чуть усмехнулся - не весело, просто - чуть.

- Я тоже не из тех.

Вика не ответила. Это было правдой, и оба это знали.

Они вышли во двор. Солнце к этому времени вышло из-за

облаков и лежало на стенах ровно - хороший, нерезкий майский свет. Вика подняла взгляд на фасад: карниз был виден отсюда хорошо, профиль держался чётко.

- Я хочу вас кое о чём спросить, - сказала она. - По работе, но не совсем.

Северов ждал.

- Вы говорили на первой встрече - что хотите построить что-то, за что не стыдно. - Она смотрела на карниз, не на него. - Я думала об этом. Это странная формулировка для застройщика.

- Почему странная?

- Потому что обычно говорят про прибыль, про концепцию, про рынок. Про стыд - не говорят.

Северов помолчал.

- Значит, обычно не думают про стыд, - сказал он.

- А вы думаете?

Пауза.

- Я построил несколько объектов за последние десять лет, - сказал он ровно. - Некоторые из них - хорошие. Некоторые - нет. Те, что нет, стоят. Их не снесут ещё лет тридцать, наверное. - Он смотрел на фасад. - Это долго - жить с тем, что стоит и не должно было стоять.

Вика наконец посмотрела на него.

- Почему они стояли - те, что не должны?

Он ответил не сразу.

- Потому что я позволял. Потому что была возможность

сделать лучше - и я не делал. Торопился, или экономил, или просто - не считал, что это важно. - Пауза. - Считал потом.

- И поэтому этот объект.

- Отчасти.

Вика слышала, как он это сказал. Не «да» и не полное объяснение - именно «отчасти». Как будто за этим стояло ещё что-то, о чём он не сказал и не собирался. Она не стала тянуть - почувствовала, где граница. Он сказал столько, сколько хотел, и ни слова сверх.

Но внутри что-то откликнулось на это слово - «стыд» - неожиданно и не по делу. Не про него. Про себя.

Она знала это чувство - когда делаешь что-то правильное, технически верное, и потом живёшь с тем, что правильное было не совсем правдой. Не ложь - просто неполная правда. Тот проект три года назад, когда она согласилась на компромисс по фасаду, потому что устала спорить. Здание стоит. Она проезжает мимо иногда.

Не смотрит.

Вика убрала эту мысль быстро - привычным движением, как закрывают папку, которую открыли не вовремя.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда будем делать правильно.

Северов посмотрел на неё.

- Да, - сказал он. Просто - да.

После обеда был подрядчик по кровле - шумный, с папкой прайсов, с привычкой объяснять очевидное. Вика слушала,

кивала, задавала вопросы по существу и думала о том, что Северов сказал про объекты, которые стоят и не должны были стоять.

Тридцать лет.

Это не фигура речи - это конкретный срок. Человек посчитал.

Подрядчик ушёл в половине четвёртого. Вика осталась во дворе - записала итоги, перечитала, добавила вопросы для следующей встречи. За забором шла обычная московская жизнь: голоса, машины, где-то далеко - сирена. Здесь было тише. Здесь всегда было тише, чем снаружи.

Она подошла к воротам и остановилась перед ними.

Рисунок уже был задокументирован - фотограф приезжал три дня назад, сделал всё как надо. Файлы лежали у Вики в папке, отдельно. Хмель на перекладине - мелкий, почти стёртый, но теперь зафиксированный.

Она думала про то, что Северов не спустился в подвал. Про то, как он стоял в дверном проёме и смотрел вниз. Про банку на полке.

Иногда люди не возвращаются туда, где было хорошо. Не потому что не хотят - потому что слишком хотят, и реальность не совпадёт с памятью, и тогда потеряешь и то, и другое.

Вика это понимала.

Не по этому дому - по другим вещам. Но понимала.

Вечером позвонила Марина.

- Сантехник всё починил, - сообщила она. - Но я теперь знаю о трубах больше, чем хотела.

- Это полезно.

- Сомневаюсь. - Пауза. - Как объект?

- Нормально. Геолог был, кровельщик был.

- А Северов?

Вика помолчала секунду.

- Был.

- И?

- И ничего. Поговорили по планировке.

- Только по планировке?

- Марина.

- Просто - интонация у тебя другая, когда ты говоришь «был».

- Какая интонация?

- Такая, - сказала Марина. - Ровная. Слишком ровная.

Вика посмотрела в окно. За окном был вечер - серо-синий, с огнями.

- Мы говорили про дом, - сказала она. - Про то, каким он его помнит. Это нужно для работы.

- Конечно.

- Это правда нужно.

- Я не спорю, - сказала Марина без всякого тона. - Я вообще ничего не сказала.

- Ты всё сказала.

- Вика. - Голос у Марины стал чуть тише, чуть серьёзнее.
- Я просто слышу, что тебе с ним интересно. Не только с объектом. Это не преступление.

Вика не ответила.

- Ладно, - сказала Марина. - Молчи. Но ты слышала.

- Слышала.

- Спокойной ночи.

- Спокойной.

Вика положила телефон. Посидела минуту, ни о чём особенно не думая. Потом открыла ноутбук и начала писать письмо конструктору - про балки, про нагрузку, про сроки следующего выезда.

В какой-то момент она поняла, что набрала «несущая» три раза подряд и все три раза удалила.

Закрыла ноутбук.

Пошла на кухню, поставила чайник. Пока он грелся - стояла у окна, смотрела на улицу вниз. Поздний вечер, фонари, редкие машины. Всё обычное, всё на своих местах.

Марина права - это тоже было обычным, и от этого не легче. Потому что Марина права не впервые, и Вика это знала ещё до звонка, просто не называла. Слово «интересно» она крутила про себя уже несколько дней - аккуратно, на расстоянии, как предмет, который хочешь рассмотреть, но не хочешь брать в руки.

Интересно - это ещё не опасно. Это просто интересно. Можно работать с человеком, который тебе интересен, и де-

лать хорошую работу, и не путать одно с другим.

Она это умеет. Раньше умела - точно.

Чайник закипел. Вика налила кипяток и поняла, что забыла положить пакетик. Усмехнулась сама себе и полезла в шкаф.

Взяла кружку и вернулась к окну. Не к столу - к окну. Стояла и пила чай, и смотрела на фонари, и не думала ни о чём конкретном - или думала, но медленно, без слов.

Он сказал «стыд» - и не объяснил, и не нужно было объяснять. Она сама знает, как это устроено: когда живёшь с чем-то достаточно долго, объяснения перестают что-то добавлять. Они просто есть - и ты с этим.

Она думала о том, что между «я сожалею» и «мне стыдно» - пропасть. Первое можно сказать про чужое. Второе - только про своё. Только про то, что ты сделал сам, зная, что делаешь.

Он знал.

Это было понятно из того, как он говорил. Без попытки переложить - на обстоятельства, на время, на рынок. Просто: позволял. Просто: считал потом.

Вика поставила кружку.

Флажок «осторожно» стоял там, где она его поставила. Она его видела. Просто сегодня он казался чуть меньше, чем вчера, - и это само по себе было поводом его не трогать.

Она вернулась к столу. Открыла ноутбук. Дописала письмо конструктору - коротко, по делу, без лишнего. Отправи-

ла.

Потом открыла папку Замоскворечье_Северов и долго смотрела на схему второго этажа. Десять - двенадцать номеров. Деревянные переплёты. Балки, которые останутся. Булыжник во дворе.

Здание, которое будет держать.

Она закрыла ноутбук и пошла спать.

В темноте, уже почти засыпая, она подумала про вторую ступеньку. Про то, что он знал, как её обойти. Десятилетний мальчик, который ходит по ночному дому и знает, какая ступенька скрипит.

Потом подумала про то, что ступенька всё ещё скрипит.

И он об этом знает.

На следующий день она приехала на объект раньше обычного.

Охранник открыл, кивнул. Рабочих ещё не было. Двор был тихим, утренним, в тени - солнце ещё не перешло на эту сторону.

Вика прошла внутрь и поднялась на второй этаж. Здесь ещё не начинали - стояла та же советская штукатурка, кое-где отставшая, кое-где с рисунком трещин, который выглядел почти как карта. Она прошла по всей длине коридора, заглянула в каждый проём.

Здесь будут номера. Десять - двенадцать. Небольшие, камерные. Каждый с окном - окна здесь хорошие, с переплёта-

ми, которые будут деревянными, потому что он так сказал.

Вика остановилась у последнего окна в торце. Отсюда был виден двор - весь целиком, с флигелем, с воротами, с трещинами в асфальте. Утренний свет лежал на булыжнике, которого ещё не было - она видела его уже так, как он будет. Серый, неровный, нагретый к полудню.

За воротами слышался город.

Внутри - тишина.

Вика стояла у окна и думала о том, что хорошие здания - те, в которых можно стоять вот так. Просто стоять и не торопиться. Это не про архитектуру даже - это про что-то другое, у чего нет профессионального названия.

Потом услышала снизу скрип калитки.

Посмотрела во двор.

Северов вошёл, остановился, поднял взгляд - увидел её в окне. Не удивился. Просто посмотрел секунду и кивнул.

Вика кивнула в ответ.

Потом отошла от окна и пошла вниз - у неё был список на сегодня, и первым пунктом стояло: второй этаж, разметка под перегородки.

Она спускалась по лестнице и думала про вторую ступеньку снизу - ту, которая скрипела. Которую он умел обходить. Интересно, скрипит ли она сейчас.

Вика дошла до первой ступени и остановилась.

Наступила на вторую.

Та скрипнула - коротко, сухо, совершенно обыкновенно.

Северов стоял внизу и смотрел на неё.

- Скрипит, - сказала Вика.

- Да, - сказал он. - Я знаю.

Глава 4. Правда не вся

Глава 4. Правда не вся

Марина нашла имя случайно.

Не искала - просто смотрела ленту в обеденный перерыв, и алгоритм дал то, что дал. Статья двухлетней давности, деловое издание, рубрика «Разборы»: «Как партнёрство превращается в ловушку». Подзаголовок - мелкий, серый. Северов Андрей Викторович - в середине текста, не в заголовке.

Марина прочитала. Потом прочитала ещё раз, уже медленнее.

Потом посмотрела на Вику.

Вика сидела за своим столом и правила план второго этажа - красила зоны, что-то переставляла, иногда делала пометки на полях. Лицо сосредоточенное, почти довольное. Марина видела такое выражение нечасто - обычно Вика работала с лёгким прищуром, как будто ждала, что что-то пойдёт не так. А сейчас - нет. Сейчас просто работала.

Марина убрала телефон.

Подождала пять минут. Потом не выдержала.

- Слушай, - сказала она.

- М.

- Ты ничего не слышала про Северова? Ну, в смысле - про его историю?

Вика подняла взгляд.

- Какую историю?

- С партнёром.

Пауза.

- Нет, - сказала Вика. - А что?

Марина помолчала секунду. Потом взяла телефон и протянула через стол.

Вика взяла. Начала читать.

Марина наблюдала - не демонстративно, просто - наблюдала. Видела, как Вика читает: сначала быстро, потом медленнее, потом возвращается к началу. Видела, как что-то в её лице меняется - не сразу, постепенно, как меняется погода.

Вика дочитала. Положила телефон на стол. Не вернула - именно положила, как будто это теперь не Маринина вещь, а просто - предмет на столе.

- Откуда это? - спросила она.

- Лента. Случайно.

- Случайно.

- Вика, я не искала специально.

Пауза была долгой.

- Я знаю, - сказала Вика наконец. Голос ровный. - Дай мне ссылку.

Статья была написана хорошо - не жёлто, без криков, именно поэтому читалась как приговор. Автор излагал факты: совместный проект, договорённости на словах, потом бумаги, подписанные в момент, когда Волков не мог проверить

детали. Сделка закрылась - Волков остался ни с чем. Северов вышел с прибылью.

В статье была одна цитата от Волкова - короткая. Вика перечитала её три раза: «Я думал, мы понимаем друг друга одинаково. Оказалось - нет».

Потом была реплика Северова - тоже одна, через пресс-службу: «Все действия были в рамках договора».

Больше ничего.

Вика закрыла вкладку.

Сидела и смотрела в экран - на схему второго этажа, на цветные зоны, на номера от десяти до двенадцати. Деревянные переплётыв. Балки, которые останутся. Булыжник во дворе.

Теперь хочу построить что-то, за что не стыдно.

Она слышала это - слышала, как он это сказал. Тихо, без интонации, как говорят о том, что уже давно знают.

Значит - знал.

Это был не риторический оборот и не поза. Это было что-то, что он носит в себе давно и без украшений.

Но это не значило, что не сделал.

Вика встала. Прошлась вдоль окна - привычным маршрутом, от стены до стены, три шага туда, три обратно. Марина не смотрела - сидела над своим экраном, делала вид, что читает.

- Ты что думаешь? - спросила Вика.

- А что я должна думать?

- Марина.

Та обернулась.

- Я думаю, - сказала Марина медленно, - что в этой истории я знаю одну сторону. И ты тоже.

- Статья называет конкретные факты.

- Статья называет то, что один человек рассказал журналу. - Марина отложила ручку. - Я не говорю, что он хороший. Я говорю, что я не знаю.

Вика остановилась у окна.

- Я почти подписала договор, - сказала она.

- Почти - это не подписала.

- Это принципиально?

- Для тебя - да. Ты ещё можешь спросить.

- У кого?

- У него, - сказала Марина просто.

Вика посмотрела на неё. Марина выдержала взгляд спокойно - без торжества, без «я же говорила». Просто - смотрела.

- Или можешь не спрашивать, - добавила она. - Забрать чертежи и передать объект кому-то другому. Тоже вариант.

- Это не вариант, - сказала Вика.

- Тогда первое.

Пауза.

- Он не объясняется, - сказала Вика. - Это не его стиль.

- Все объясняются, когда их спрашивают прямо. - Марина повернулась обратно к экрану. - Разница только - что именно

говорят.

Вика не ответила.

За окном был май - тёплый, с листьями, с тем запахом, который бывает только в мае и потом не повторяется. Вика смотрела на улицу, не видя её.

Она думала про Волкова. Не о нём лично - она его не знала, он был именем в тексте, цитатой в три слова. Думала про то, каково это - строить что-то с человеком, которому доверяешь, и обнаружить, что понимал всё иначе. Не хуже - иначе. Именно иначе. Потому что хуже - это когда знаешь заранее. А иначе - это когда не знаешь.

Она знала, каково это. Не с партнёром по бизнесу. По-другому. Но - знала.

И именно поэтому не могла просто отложить и не думать.

На объект она поехала после обеда.

Не потому что было запланировано - просто нужно было что-то делать руками. Измерить, записать, проверить. Когда думаешь слишком много - хорошо иметь рулетку и блокнот.

Охранник кивнул. Двор встретил тенью - солнце уже ушло на другую сторону. Вика прошла внутрь, поднялась на второй этаж.

Здесь было тихо. Рабочие сегодня не приходили - плановый перерыв перед следующим этапом. Только она и здание.

Она начала с торцевой стены - там, где нужно было уточнить ширину проёма под новую перегородку. Рулетка, блок-

нот, привычный ритм. Тело работало, голова - немного отдыхала от слов.

Снизу скрипнула ступенька.

Вика не обернулась сразу - продолжила мерить, занесла цифру. Потом убрала рулетку и обернулась.

Северов стоял в дверном проёме. Тёмная куртка, руки не в карманах - по бокам, как всегда. Посмотрел на неё.

- Я не знал, что вы сегодня, - сказал он.

- Я решила в последний момент.

Он кивнул. Не вошёл - остался в проёме.

- Что-то нужно?

- Нет. Просто замеры.

Пауза. Он смотрел на неё - спокойно, как смотрит человек, который умеет ждать. Вика думала: он чувствует. Не знает - но чувствует, что что-то изменилось. Такие люди чувствуют. Она видела это по тому, как он стоит - чуть иначе, чем обычно. Чуть более внимательно.

Она убрала блокнот.

- Есть вопрос, - сказала она.

- Слушаю.

- Не по работе.

Пауза. Короткая.

- Хорошо, - сказал он.

Вика посмотрела на него прямо.

- Игорь Волков.

Что-то изменилось в нём - она видела это. Не резко, не

испуг. Просто - изменилось. Как меняется давление в комнате, когда открывают окно. Он не отвёл взгляд.

- Что именно? - спросил он.

- Статья. Двухлетней давности. - Она говорила ровно. - Там написано, что вы закрыли сделку так, что он остался без ничего.

Северов молчал.

- Это правда?

Молчание длилось секунду - может, две. Он смотрел не на неё - мимо, на стену за её плечом. Потом снова на неё.

- Частично, - сказал он.

- Что значит «частично»?

- Значит - правда не вся.

Вика ждала. Он не продолжил.

- Это всё? - спросила она.

- Нет. - Пауза. - Но не здесь и не сейчас. Если вы хотите - я расскажу. Не через пресс-службу.

Вика смотрела на него. Он смотрел обратно - ровно, без защиты и без попытки смягчить. Просто - смотрел.

- Когда? - спросила она.

- Когда вам удобно.

- Завтра.

- Хорошо.

Она кивнула и взяла сумку. Проходя мимо него к лестнице, она не замедлилась и не ускорила. Просто прошла.

На лестнице - уже на ходу, уже спускаясь - она услышала

его голос сверху:

- Виктория.

Она остановилась. Не обернулась.

- Вы правильно сделали, что спросили.

Пауза.

- Я знаю, - сказала она, и пошла дальше.

Вечер она провела дома - не за работой. Это само по себе было признаком чего-то, потому что вечера без работы случались у неё редко и всегда по причине. Сейчас причиной была не усталость.

Она сидела на подоконнике с чаем и смотрела на улицу. Май уже стемнел - поздно, по-летнему почти. Фонари, листья, тот особенный городской вечер, когда всё кажется немного медленнее, чем днём.

Она думала про «частично».

Не про то, что за этим стоит - она не знала, что за этим стоит, и фантазировать не собиралась. Думала про само слово. Про то, как он его сказал - не как оправдание и не как отрицание. Просто как поправку к неточному утверждению. Математически почти.

Правда не вся.

Она знала людей, которые говорят «я объясню». Обычно это означает - я сейчас построю версию, в которой выгляжу лучше. Обычно объяснение начинается с обстоятельств: время было такое, партнёр сам, ситуация не оставляла выбора.

Северов сказал «частично» и замолчал.

Это тоже могло быть приёмом. Она понимала это. Молчание как демонстрация выдержки, как способ казаться человеком, которому незачем оправдываться.

Но она слышала, как он говорит. Три недели - достаточно, чтобы слышать.

Вика поставила чашку.

Флажок «осторожно», который стал меньше три дня назад, снова был на месте. Даже, пожалуй, крупнее. Она это отметила - спокойно, без раздражения на себя. Это правильно. Это и должно быть так.

Она пошла спать раньше обычного и заснула неожиданно быстро - что тоже, наверное, что-то означало, только она не стала разбираться.

Утром Марина не спросила ничего.

Это было хуже, чем если бы спросила, - потому что означало: видит. Видит и ждёт. Марина умела ждать дольше, чем казалось по её характеру.

Вика приехала на объект к десяти.

Северов уже был там - стоял во дворе, разговаривал с прорабом. Когда Вика вошла через калитку, бросил взгляд, кивнул. Договорил - коротко, по делу - и отпустил прораба. Тот ушёл к флигелю.

Они остались вдвоём.

- Есть место, где можно сесть? - спросил Северов.

Вика подумала секунду.

- Крыльцо, - сказала она.

Крыльцо было с южной стороны - два широких ступени, старые, но крепкие. Навес над ними держался ещё с прошлого века, немного покосившийся, с трещиной вдоль бруса. Вика несколько раз садилась здесь с блокнотом, когда нужно было думать.

Они сели. Не рядом - с промежутком. Северов смотрел на двор.

- Мы работали вместе три года, - сказал он. - Волков и я. С того момента, как я открыл компанию. Он был первым, кто вложился.

Вика не говорила.

- Был объект в Подмосковье. Я нашёл площадку, он привёл инвестора. Мы договорились - устно, как часто бывает в начале - о доле. Потом начались переговоры с инвестором, пришли юристы, появились бумаги. Я подписал то, что мне дали. - Пауза. - Волков подписал то же самое, не читая. Он мне доверял.

- А вы читали.

- Да.

Молчание.

- Там была другая доля, - сказал он. - Меньше, чем мы договаривались. Я видел разницу. Я подписал.

Вика смотрела на двор - на флигель, на трещины в асфальте, на майскую траву из трещин.

- Почему?

- Потому что мне было выгодно. - Голос ровный, без попытки смягчить. - Инвестор играл на мне, я это понимал и использовал. Сделка была хорошей. Волков бы согласился, если бы я объяснил - но я не объяснил. Я посчитал, что потом договоримся. Что выплачу разницу из прибыли.

- Но не выплатили.

- Объект встал. Полтора года заморозки, потом продали по себестоимости. Прибыли не было. Волков вышел с убытком.

- А вы?

- Я вышел с репутацией и контактом инвестора. - Пауза. - Это тоже деньги. Тогда я считал именно так.

Вика наконец посмотрела на него. Он сидел прямо, руки на коленях, смотрел в пространство двора.

- В статье написано, что вы действовали в рамках договора.

- Да. Юридически - так и есть.

- Но вы знали, что устная договорённость была другой.

- Да.

Просто - да. Без «но», без «ты не понимаешь, как это работает», без рынка и обстоятельств. Вика слышала, как это сказано - и именно это было труднее всего.

- Почему вы мне это рассказываете? - спросила она.

- Потому что вы спросили.

- Я могу уйти с объекта.

- Знаю.

- Это вас не беспокоит?

Он помолчал.

- Беспокоит, - сказал он. - Но это не причина рассказывать неправду.

Вика посмотрела на него ещё секунду. Потом отвела взгляд - на ворота, на кованный рисунок хмеля, который теперь она видела даже отсюда, в нескольких метрах, - и подумала: вот оно. Вот тот момент, про который она знала, что он будет, - с первой встречи, с первого взгляда на тихого человека в мокром пальто. Она знала, что что-то есть. Что не бывает «хочу построить что-то, за что не стыдно» просто так, из воздуха.

Теперь она знала что.

- Волков, - сказала она. - Вы с ним говорили после?

- Нет. Он не захотел. - Пауза. - Я не настаивал.

- А сейчас?

Северов помолчал дольше, чем обычно.

- Я пытался выйти на него два года назад. Он не ответил.

- Он смотрел на двор. - Я не знаю, где он сейчас.

Вика убрала блокнот, который так и не открыла.

- Хорошо, - сказала она.

Он посмотрел на неё.

- Это значит, что вы остаётесь?

- Это значит, что я слышала. - Она встала. - Остаюсь или нет - я скажу, когда решу.

Северов кивнул. Не «подождите», не «но ведь», не попытка дожать. Просто - кивнул.

Вика прошла через двор к воротам. Остановилась - как всегда, на секунду - и посмотрела на хмель.

Растение, которое цепляется и тянется вверх.

За воротами - улица, город, всё обычное. Она вышла и не оглянулась.

Марина была в бюро.

Вика вошла, повесила сумку, не сняла пальто. Встала у своего стола.

- Я с ним поговорила, - сказала она.

Марина отложила ручку.

- И?

- Он рассказал. - Вика смотрела на стену с распечатками - схемы, планы, фасадный лист. - Не оправдывался. Просто - рассказал.

- Что ты теперь будешь делать?

Вика сняла наконец пальто.

- Работать, - сказала она.

Марина помолчала.

- Это ответ?

- Это пока что единственный ответ, который у меня есть.

Марина кивнула - медленно, как кивают, когда соглашаются не с тем, что сказано, а с тем, что за этим стоит.

- Хорошо, - сказала она. И больше ничего.

Вика села за стол. Открыла ноутбук, открыла папку За-москворечье_Северов. Схема второго этажа смотрела на неё со своими цветными зонами и пометками на полях.

Десять - двенадцать номеров. Деревянные переплёты. Балки, которые останутся.

Она начала работать.

Но где-то в четвёртом часу, когда Марина вышла за кофе и в бюро стало тихо, Вика поняла, что сидит и смотрит в одну точку уже несколько минут. Не на схему. Просто - в точку.

Она думала про «юридически - так и есть». Про «я посчитал, что потом договоримся». Про то, что есть люди, которые знают разницу между «в рамках договора» и «честно» - и выбирают первое. Осознанно. Не по глупости, не по ошибке.

И она думала про то, что он это сказал сам. Без давления, без адвоката, без версии с обстоятельствами. Сказал - и замолчал, и кивнул, когда она встала.

Это ничего не отменяет, сказала она себе.

И это тоже не ничего, ответила другая часть её - та, которую она давно привыкла не слушать первой.

Вернулась Марина. Поставила на стол вторую чашку - молча, без вопросов. Вика кивнула.

Они работали до восьми. Уходя, Вика закрыла ноутбук, оделась, взяла сумку. У двери остановилась.

- Марин.

- М.

- Ты знаешь Игоря Волкова? Волков, девелопмент, при-

мерно тот же круг.

Марина посмотрела на неё.

- Не лично. Слышала имя.

- Если найдёшь выход - скажи.

Пауза.

- Зачем тебе? - спросила Марина осторожно.

Вика помолчала секунду.

- Хочу услышать вторую сторону, - сказала она.

Марина смотрела на неё ещё мгновение. Потом кивнула - коротко, без уточнений.

- Хорошо.

Вика вышла.

На улице был поздний майский вечер - тёплый, с запахом листьев и асфальта после дневного солнца. Она шла к метро и думала про то, что сделала только что. Попросила найти Волкова.

Это не по работе.

Совсем не по работе - и она это понимала. Это именно то, что она делает, когда хочет разобраться. Не отойти - разобраться. Найти источник, проверить данные, убедиться, что знаешь всё, что можно знать.

Это её метод. Всегда был.

Обычно она только так работала с объектами.

Глава 5. Не то, что удобно

Глава 5. Не то, что удобно

Договор она подписала в среду.

Алексей прислал документы накануне - стандартный пакет, ничего неожиданного. Вика прочитала дважды, отдала юристу, получила обратно с пометкой «всё чисто», подписала. Отправила скан.

Алексей ответил через четыре минуты: Спасибо, Виктория. Андрей Викторович подпишет сегодня, оригиналы курьером завтра.

Вика закрыла почту.

Марина наблюдала за ней поверх экрана.

- Подписала?

- Да.

- Хорошо?

- Нормально. - Вика открыла следующую вкладку. - Работаем.

Марина помолчала.

- Ты приняла решение.

- Я подписала договор, - сказала Вика. - Это рабочее решение.

- Конечно.

Тон у Марины был ровный - без иронии, именно поэтому Вика её услышала. Она сама знала, что «рабочее решение» -

это не весь ответ. Но весь ответ она пока не сформулировала даже для себя, поэтому разговаривать было не о чем.

Следующие три дня она приезжала на объект по расписанию - в десять, уходила в два. Принимала подрядчиков, отвечала на вопросы прораба, делала пометки. Если Северов появлялся - здоровалась, коротко обсуждала текущее, двигалась дальше. Никаких пауз дольше рабочей необходимости.

Это работало.

В профессиональном смысле - работало отлично. Она знала объект уже так, как знают хорошо знакомого человека: где слабые места, где запас прочности, что потребует внимания через месяц. Прораб начал звонить ей напрямую, минуя Алексея. Это был знак доверия - в строительстве так бывает, когда понимают, что архитектор на объекте не декорация.

В другом смысле - она не называла, в каком именно - работало с усилием.

Усилие было небольшим. Она справлялась. Просто иногда замечала его - как замечаешь неудобный шов в одежде: не мешает, но есть.

В пятницу на объекте появился столяр.

Его звали Василий Петрович, ему было под шестьдесят, и он смотрел на деревянные переплёты с таким выражением, с каким врачи смотрят на рентгеновские снимки, - методично и без эмоций. Северов привёз его сам, представил коротко, отошёл.

Вика показала окна.

- Вот эти три - второй этаж, главный фасад, - сказала она. - Рисунок переплёта сохраняем. Материал - дерево, профилем не заменяем.

Василий Петрович открыл раму - медленно, с усилием, - потрогал паз, посмотрел на торец.

- Лиственница, - сказал он. - Старая. Хорошая.

- Можно восстановить?

- Можно. - Он закрыл раму. - Это не реставрация, это столярка. Разные вещи. Реставрация - это когда каждый сантиметр документируют и согласовывают. Столярка - когда делают, чтобы работало и выглядело правильно.

- Нам нужно второе.

- Вижу. - Он оглядел проём. - Четыре недели. Может, три с половиной, если без задержек по материалу.

- Сроки устраивают, - сказала Вика. - Пришлите смету до следующей недели.

- Пришлю.

Северов стоял в стороне - у противоположной стены, смотрел в окно. Не в то, которое они обсуждали, - в другое, во двор. Вика видела его краем зрения и не поворачивалась.

Василий Петрович ушёл. Она сделала пометки в блокноте.

- Хороший специалист, - сказала она, ни к кому особенно не обращаясь.

- Да, - сказал Северов. - Он делал окна в особняке на Пят-

ницей. Я видел - не отличить от оригинала.

- Важно, что он сам понимает разницу между реставрацией и столяркой. Многие не понимают.

- Вы тоже понимаете.

Вика наконец посмотрела на него.

Он не смотрел на неё - всё так же в окно. Сказал это спокойно, без интонации, как говорят факт.

- Это моя работа, - ответила она.

- Не только поэтому.

Пауза. Вика не нашла, что сказать - не потому что не было слов, а потому что любое слово сдвинуло бы что-то, что она сейчас предпочитала не двигать.

Она закрыла блокнот.

- У меня встреча с электриком в час, - сказала она. - Если есть вопросы по смете столяра - через Алексея.

- Хорошо.

Она вышла из комнаты раньше, чем нужно. Это тоже было усилием - маленьким, почти незаметным.

Электрик был шумным и разговорчивым, и это было хорошо - не нужно было думать ни о чём, кроме схемы разводки и точек под розетки. Вика слушала, кивала, иногда уточняла. Профессиональный автопилот - надёжная штука.

После электрика она ещё час ходила по первому этажу с рулеткой, проверяя что-то, что уже проверяла. Просто - ходила. Прораб видел её и не трогал: за эти недели он научился

отличать, когда она работает и когда думает.

Северов уехал раньше неё - она слышала, как во дворе завёлся двигатель. Не смотрела.

Уходя, она остановилась у ворот - коротко, секунды три.

Она шла к метро и думала про «не только поэтому». Не анализировала - просто держала в голове, как держат фразу, которую услышали в разговоре и не отпускают.

Не только поэтому.

Она знала, что он имел в виду. И именно поэтому не ответила.

В субботу она работала в бюро одна - Марина не приходила по выходным, если не было дедлайна. Тишина, кофе, распечатки на столе. Вика переделывала планировку первого этажа - не потому что была ошибка, а потому что увидела лучшее решение, и теперь старое её не устраивало.

Так бывает с хорошими объектами: они не отпускают.

В половине двенадцатого пришло сообщение от Марины.

Нашла. Волков Игорь Станиславович. Работает в небольшой компании, занимается загородными проектами. Контакт есть у Серёжи Ларченко - помнишь, он был у нас на презентации весной? Написала ему. Жди.

Вика смотрела на экран телефона.

Потом написала: Спасибо.

Марина ответила через минуту: Не благодари. Но - зачем тебе это, Вика? По-настоящему.

Вика положила телефон на стол. Встала, прошлась по бюро - от стола до окна, от окна до стены с распечатками. Остановилась у плана первого этажа, который сегодня переделывала.

Зачем.

Она думала об этом с той минуты, как попросила Марину найти выход на Волкова. Думала честно, без удобных ответов. Профессиональная осторожность - это не ответ, потому что договор уже подписан. Любопытство - это не ответ, потому что это слово слишком маленькое.

Она хотела понять. Не принять решение - понять.

Потому что Северов рассказал одну сторону. Рассказал честно, она это слышала - но честность рассказчика не делает историю полной. Есть ещё человек, который потерял. И пока она не слышала его - она знала только половину.

Это её метод. С объектами, с людьми, со всем.

Она подняла телефон и написала Марине: Хочу знать вторую сторону. Это всё.

Марина не ответила сразу. Потом - коротко: Ладно.

Вика вернулась к столу. Открыла план, посмотрела на новое решение по планировке - зонирование, которое она придумала час назад. Хорошее. Лучше, чем было.

Она начала переносить линии.

Работала до трёх. Уходя, убрала распечатки в папку, выключила свет. На пороге оглянулась - привычка, от которой не могла избавиться. Бюро стояло тихое, с запахом кофе и

бумаги, с чертежами на стенах.

Всё на своём месте.

Только что-то - совсем маленькое, почти незаметное - было не там, где она его оставила.

Она не стала думать о том, что именно.

Серёжа Ларченко ответил в воскресенье вечером.

Вика читала сообщение стоя, у окна - не успела сесть. Игорь? Да, знаю. Мы с ним иногда пересекаемся на загородных объектах. Могу передать твой контакт, если не против. Что сказать - по делу или просто познакомиться?

Она подумала секунду. Потом написала: По делу. Скажи - хочу поговорить про один совместный проект, давний. Он поймёт.

Отправила. Положила телефон.

За окном воскресный вечер заканчивался - медленно, как заканчиваются воскресенья, с тем особым ощущением закрывающейся двери. Вика постояла минуту, потом пошла на кухню. Поставила воду. Достала чашку.

Не кружку - чашку. Это была маленькая принципиальность, про которую никто не знал кроме неё.

Она думала про то, что сделала. Не пожалела - просто думала. Волков может не ответить. Может ответить так, что она пожалеет, что спросила. Может сказать то, что подтвердит всё, что написано в статье - и тогда она будет знать точнее, и это будет хуже, чем «частично».

Или скажет что-то другое.

Она не знала, чего ожидает. Это было необычно - она почти всегда знала, чего ожидает. Это был один из её рабочих навыков: просчитывать варианты до того, как они случились.

Сейчас переменных было слишком много.

Вода закипела. Она заварила чай, взяла чашку и вернулась к окну.

Думала про Северова - не про историю с Волковым, а про него самого. Про то, как он сидел на крыльце. Про то, что не искал смягчений. Про «юридически - так и есть» и «я посчитал, что потом договоримся».

Она знала людей, которые несут в себе что-то тяжёлое и носят это как обвинение против себя - перебирают, ищут виноватых, строят версии, в которых постепенно становятся жертвами обстоятельств. Это защита. Понятная, человеческая.

Северов не делал этого. Она видела - не делал.

Это не делало его хорошим. Это делало его - сложным. А сложное она не умела просто откладывать в сторону.

Чай остыл, пока она стояла и думала. Она это заметила и усмехнулась.

В понедельник был технический совет.

Вика собрала его сама - прораб, конструктор, представитель по инженерным сетям. Объект входил в активную фазу: после консервации фундамента и разборки перегородок

нужно было синхронизировать, кто что делает и в какой последовательности. Такие вещи лучше проговорить вживую, чем потом разбирать переписку.

Северов приехал к началу - без предупреждения, как всегда, только теперь она уже не отмечала это как что-то особенное. Просто - приехал, встал у стены, слушал.

Вика вела совет коротко, по пунктам. Фундамент - закрыт, акт подписан, можно двигаться. Кровля - подрядчик заходит в следующий вторник, до этого нужно освободить чердак от того, что там осталось. Инженерка - схема согласована, начинаем с первого этажа.

Конструктор поднял вопрос про балки - те три, которые остаются. Нужна дополнительная фиксация перед тем, как начнут ходить по чердаку с оборудованием.

- Сколько времени? - спросила Вика.

- Полдня. Максимум.

- Хорошо. До прихода кровельщиков успеем?

- Успеем.

Прораб добавил вопрос про подвал - откачка сделана, гидроизоляция на следующей неделе, но нужно решить: что с той полкой в углу. Там ещё стоит что-то.

Вика не ответила сразу - потому что знала, о чём речь, и этот вопрос был не к ней.

Она посмотрела на Северова.

Он стоял у стены и смотрел прямо на неё. Не на прораба - на неё. Как будто ждал именно этого.

- Выбросьте, - сказал он ровно.

Прораб кивнул, записал.

Совет закончился через сорок минут.

Она собирала бумаги медленнее, чем обычно. Не потому что медлила - просто подоконник был неудобной рабочей поверхностью, папки скользили. Она придерживала их локтем и думала про подвал.

Про «выбросьте» - ровно, без паузы, без «подождите» или «я сам посмотрю». Просто - выбросьте.

Она не знала, что стояло на той полке. Банка, горшок - она так и не разглядела. Дед делал заготовки, Северов это помнил с маминых слов. Теперь - выбросьте.

Иногда правильно именно так: не лезть за вещь в затопленный подвал, не пытаться сохранить то, что уже не то. Просто - отпустить. Это тоже решение, и не худшее.

Она подумала, много ли таких решений он принял за последние годы. Не по объектам - по себе. Выбросить, отпустить, не возвращаться. Строить новое на месте старого, не делая вид, что старого не было.

Архитектурно это называлось «включение руины». Когда не прячешь прошлое, а делаешь его частью настоящего. Видимой частью.

Она поняла, что стоит с папкой в руках и смотрит в стену.

- Хорошо провели, - сказал Северов.

Она перевела взгляд.

- Это работа.

- Я знаю. - Он не двигался с места. - Они вас слушают. Не потому что вы архитектор, а потому что вы говорите то, что нужно.

Вика смотрела на него секунду. Потом отвела взгляд и закрыла папку.

- Есть вопросы по смете столяра?

- Нет. Алексей уже согласовал.

- Хорошо.

Она взяла папку и пошла к выходу.

- Виктория.

Она обернулась.

- Я не жду, - сказал он. - Хочу, чтобы вы это знали.

Она не сразу поняла.

- Чего не ждёте?

- Решения. - Пауза. - Того, которое вы принимаете. Я не жду и не тороплю. Просто - хочу, чтобы вы знали.

Вика смотрела на него.

Это было точно и неудобно одновременно - как бывает, когда человек называет вслух то, о чём ты думал, но не собиравшись произносить. Она не спрашивала, какого решения он ждёт. Он не объяснял. Оба понимали, о чём речь - и именно это было самым неудобным.

- Я знаю, - сказала она наконец.

И вышла.

Волков написал в среду.

Короткое сообщение, незнакомый номер: Добрый день. Серёжа передал ваш контакт. Я в курсе, что вы работаете с Северовым. Готов поговорить, если вы готовы услышать не то, что удобно.

Вика прочитала трижды.

Потом написала: Именно поэтому и написала. Когда вам удобно?

Ответ пришёл через минуту: Пятница, вечер. Могу приехать куда скажете.

Она назвала кофейню - нейтральную, не рядом с бюро и не рядом с объектом. Он согласился.

Вика убрала телефон. Посмотрела на экран с чертежом - там был фасад, уже почти окончательный, с карнизом и с деревянными переплётками, которые будет делать Василий Петрович.

Она думала о том, что пятница - это послезавтра. Что она не знает, что скажет Волков. Что между «готов поговорить» и «скажу правду» - тоже расстояние.

И что Северов не знает об этой встрече.

Должна ли она ему сказать - она не решила. Это был вопрос, у которого не было правильного ответа: скажет - он поймёт, что она проверяет. Не скажет - и это тоже будет что-то значить. Для неё - прежде всего.

Марина вошла в бюро с улицы - щёки розовые от ветра, с пакетом.

- Ответил? - спросила она, не глядя.

- Да.

Марина сняла куртку.

- И?

- Встречаемся в пятницу.

Марина помолчала. Потом поставила пакет на стол, обернулась.

- Вика. - Голос тихий. - Ты понимаешь, что делаешь?

- Проверяю информацию.

- Ты идёшь на встречу с человеком, которого твой заказчик предал десять лет назад. Один на один. Не сказав заказчику.

- Я не обязана ему докладывать.

- Нет, - согласилась Марина. - Но ты понимаешь, что это не про работу.

Вика не ответила.

- Это про то, - продолжила Марина, - что ты ему не доверяешь. Ещё. Пока. И ты хочешь либо найти причину не доверять - и тогда всё ясно. Либо найти причину доверять - и тогда придётся решать что-то большее, чем просто договор.

Тишина в бюро была рабочей - принтер, уличный шум, где-то сигнализация на секунду и замолчала.

- Я знаю, - сказала Вика.

- Знаешь - и всё равно идёшь.

- Да.

Марина посмотрела на неё долго. Потом кивнула - не с одобрением и не с осуждением. Просто кивнула.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда иди.

Она взяла пакет и ушла на кухню. Вика осталась у стола.

За окном был май - уже не ранний, почти настоящий, с листьями в полную силу и с тем светом, который бывает в Москве две недели в году, не больше. Она смотрела на улицу и думала про пятницу. Про незнакомый номер и короткое сообщение. Про не то, что удобно.

Она уже давно не искала удобного.

Это, пожалуй, была единственная вещь, в которой она была сейчас совершенно уверена.

Марина вернулась из кухни с двумя чашками. Поставила одну перед Викторией молча.

- Он тебе нравится, - сказала она.

Вика взяла чашку.

- Марина.

- Нет, подожди. - Марина села. - Я не про «нравится» как в школе. Я про другое. Ты три недели на объекте. Ты знаешь, как он стоит, как молчит, что значит его «хорошо» по смете и что значит другое «хорошо». Ты это знаешь - я вижу по тому, как ты про него говоришь. Точнее, как не говоришь.

Вика смотрела в чашку.

- И при этом, - продолжила Марина, - ты идёшь на встречу к человеку, которого он обидел. Не чтобы найти против него - ты не такая. А чтобы понять до конца. Потому что ты не можешь иначе.

- Ты права, - сказала Вика.

- Это тебя не останавливает.

- Нет.

Марина помолчала.

- Ты понимаешь, что Волков может сказать что угодно, - сказала она. - И что у него есть причины говорить так, чтобы Северов выглядел хуже, чем есть.

- Понимаю.

- И всё равно идёшь.

- Мне нужно слышать самой. - Вика подняла взгляд. - Не статью. Не то, что Северов рассказал про себя. Человека. Живого.

Марина смотрела на неё долго.

- Ты так устроена, - сказала она наконец.

- Да.

- Это тяжело, наверное.

- Иногда, - сказала Вика.

Марина кивнула и открыла ноутбук.

За окном майский вечер набирал темноту - медленно, нехотя, как бывает в конце мая, когда светло ещё долго после того, как пора уже быть ночи.

Пятница - послезавтра.

Глава 6. Вторая сторона

Глава 6. Вторая сторона

Волков пришёл раньше.

Вика увидела его сразу - он сидел у окна, спиной к залу, с кофе, который явно уже остыл. Лет сорок пять, может, чуть больше. Светлая рубашка, не деловая - просто рубашка. Лицо спокойное, без ожидания.

Она подошла. Он встал - не из вежливости, просто встал, как встают, когда хотят смотреть на человека в полный рост, прежде чем садиться.

- Виктория?

- Да. - Она подала руку. - Спасибо, что согласились.

- Я сам хотел, - сказал он. - Садитесь.

Она села. Подошёл официант, она попросила воды. Волков не смотрел в меню - смотрел на неё. Не изучающе, не враждебно. Просто - смотрел, как смотрит человек, который привык составлять мнение быстро.

- Серёжа сказал, что вы работаете с Северовым, - сказал он. - Архитектор на его объекте в Замоскворечье.

- Да.

- Давно?

- Почти два месяца.

Волков кивнул.

- И вы хотите...

- Хочу услышать вашу сторону, - сказала Вика прямо.

Волков посмотрел на неё ещё секунду. Потом взял чашку

- кофе уже точно остыл - и поставил обратно.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда с начала.

Они работали с Северовым три года.

Волков рассказывал без предисловий, в том же темпе, в котором Вика привыкла слышать факты - коротко, по делу. Познакомились через общего знакомого, сошлись быстро: оба понимали рынок, оба не любили лишних слов. Волков вкладывал деньги и связи, Северов - время и экспертизу. Это работало.

- Три года - хорошо работали, - сказал Волков. - Я это говорю не потому что сейчас нужно быть великодушным. Просто факт. Было хорошо.

- Что изменилось?

- Инвестор. - Он подвигал чашку. - Крупный, с деньгами, с амбициями. Андрей его нашёл - это была его работа, он умел находить таких людей. Инвестор хотел работать с Андреем напрямую, без меня. Я это понял потом.

Вика слушала. Не записывала - просто слушала.

- Была сделка в Подмосковье. Мы договорились о доле - я и Андрей, устно, как всегда делали. Я не читал бумаги. - Он сказал это ровно, без интонации жертвы. - Это моя ошибка. Я привык доверять, не проверяя. Это глупо в бизнесе - я понял это дорогой ценой.

- Вы знали, что доля в бумагах другая?

- Нет. Узнал, когда объект встал и начали считать убытки.

Тогда юрист показал договор и объяснил, что я подписал.

Вика смотрела на него.

- Северов знал, что вы не читали?

- Да, - сказал Волков. - Он это знал. Мы три года работали

- он знал, как я работаю.

Пауза.

- Вы с ним говорили после?

- Один раз. - Волков откинулся на спинку стула. - Он сказал то же, что, наверное, сказал вам: действовал в рамках договора. Обещал выплатить разницу из прибыли.

- Прибыли не было.

- Прибыли не было, - подтвердил он. - Объект заморозили, потом продали. Я вышел с минусом. Он - нет.

За окном кофейни шла пятничная улица - люди после работы, кто-то с цветами, кто-то быстро, кто-то медленно. Вика смотрела на Волкова.

- Вы злитесь, - сказала она.

Он подумал секунду.

- Нет, - сказал он. - Злился. Долго. Сейчас - нет. Сейчас просто - было, и я с этим живу.

- Почему вы не ответили, когда он пытался выйти на вас два года назад?

Волков посмотрел на неё - чуть внимательнее, чем до этого.

- Он вам сказал?

- Да.

- Хм. - Он помолчал. - Потому что не хотел разговора, в котором снова услышу «в рамках договора». Мне нечего было с этим делать.

- А сейчас?

- А сейчас вы пришли, - сказал он. - И это уже другой разговор.

Вика не сразу поняла.

- Почему другой?

Волков посмотрел на неё прямо.

- Потому что вы пришли сами. Не он прислал, не через посредника. Вы сами нашли выход, сами написали, сами пришли - и спрашиваете не «что он сделал», а «как это было».

- Пауза. - Это значит, что вам важна правда, а не удобная версия.

Вика молчала.

- Я не буду говорить вам, что он плохой человек, - сказал Волков. - Это было бы просто и неправда. Он сделал то, что сделал, - осознанно, из расчёта, и он это знает лучше меня. Но я его знал три года, и это тоже правда. - Он взял наконец остывший кофе и сделал глоток. - Люди не простые фигуры. Это - так.

- Вы его простили?

Он посмотрел в окно.

- Я перестал нести, - сказал он наконец. - Это не то же

самое, что простить. Но легче.

Они просидели ещё полчаса.

Говорили уже не про сделку - про то, как Волков перестроился, куда ушёл, что строит теперь. Загородные проекты, небольшие, без инвесторов. Он говорил об этом без горечи - просто рассказывал, как рассказывают про выбор, который сделали не сразу, но приняли.

Вика слушала и думала: вот что значит «его версия окажется сложнее слухов». Не оправдание, не приговор. Просто - человек, который потерял, пересобрал себя и живёт дальше. Без пафоса и без нарратива жертвы.

Это было труднее, чем если бы он ненавидел.

Уходя, они вышли вместе на улицу. Май в пятницу вечером - люди, голоса, где-то музыка из открытого окна.

- Виктория, - сказал Волков у двери.

Она обернулась.

- Я не знаю, что у вас там с ним, - сказал он. - Не моё дело.

Но если вы пришли сюда ради работы - это одно. Если ради чего-то другого - - Он не договорил. - Просто - он знает, что сделал. Это видно по тому, что вы здесь.

Она не ответила.

- Удачи, - сказал он просто.

Вика стояла на тротуаре.

«Он знает, что сделал. Это видно по тому, что вы здесь.»

Она убрала в сумку телефон, который так и не достала за

весь разговор. Пошла к метро.

Думала не про Северова - про Волкова. Про «перестал нести». Про то, что это не прощение, но легче. Про то, что он сказал «люди не простые фигуры» таким тоном, каким говорят о чём-то, что выучили через боль, а не из книги.

Это не снимает того, что было.

Но это меняет то, как она это держала. Вика чувствовала - меняет, и ничего не могла с этим поделать, потому что услышала живого человека, а не статью.

В метро она зашла, встала у дверей, и поезд тронулся.

Она думала: Волков не сказал ничего, что противоречило бы тому, что рассказал Северов. Версии совпадали в фактах - расходились только в том, чего в фактах нет. В том, что чувствует человек, которого предали. И в том, что чувствует человек, который предал.

Оба несли это по-своему. Оба перестраивались - по-своему.

Марине она не позвонила.

Просто не знала, что говорить. Разговор с Волковым не дал ей ответа, который можно пересказать коротко. Он дал что-то другое - объём. Как бывает, когда смотришь на здание с одной стороны, потом обходишь и смотришь с другой: это то же здание, но теперь ты знаешь его иначе.

Она приехала домой, переделалась, открыла окно.

Сидела у окна долго - не с чаем, просто так. Смотрела на

улицу и думала про «перестал нести». Про то, что это не прощение. Про то, что Волков сказал это без горечи - именно это было важно. Не простил, но отпустил. Это два разных движения, и второе, пожалуй, труднее.

Она думала про себя.

Не про Северова, не про объект - про себя. Про то, что она носит уже три года и называет осторожностью. Профессиональной. Личной. Любой. Флажок «осторожно», который она поставила однажды и с тех пор передвигала, но не убирала.

Бывший не появлялся в её жизни - она об этом позаботилась. Он остался тенью, как и должен был: в рефлексах, в том, чего она избегает, в том, как держит дистанцию даже когда не нужно.

Особенно когда не нужно.

Она поняла это сейчас - отчётливо, как понимаешь вещи, до которых долго не приходишь, а потом приходишь разом. Волков сказал «перестал нести» про Северова. А она сидела и думала про себя.

Это о чём-то говорило.

Она встала, прошлась по комнате. От окна до стены, от стены до окна. Три шага туда, три обратно - та же привычка, что в переговорной в апреле, когда ждала Северова и говорила себе, что не волнуется.

Сейчас - не волновалась тоже. Но это было другое. Тяжелее и спокойнее одновременно, как бывает, когда понима-

ешь что-то, что понимать не хотел, но уже понял и обратно не уберёшь.

Она думала про то, с чего всё началось - с осторожности. С решения держать дистанцию, которое она приняла не вчера и не три года назад, а раньше. Когда именно - она не могла назвать точно. Просто в какой-то момент стало так, что ближе определённой черты она не подпускала. Работа - да. Разговор - да. Интерес - да, это она себе разрешала, называла профессиональным. Но дальше - нет.

Дальше стоял флажок.

Она его поставила сама. Знала, зачем. Три года назад был человек - она ему доверяла, он это использовал не грубо, не демонстративно, а тихо и последовательно, так что она поняла не сразу. Это оставило не злость - злость прошла быстро. Оставило кое-что точнее: знание о том, как это устроено, когда доверяешь не тому.

Флажок был страховкой. Разумной, обоснованной.

Но страховка, которую носишь слишком долго, становится частью тела. Перестаёшь её замечать - просто живёшь с ней, и она начинает отвечать за тебя раньше, чем ты успеваешь подумать.

Вика остановилась у стены.

Вот что она носила три года. Не обиду - механизм. Исправный, точный, хорошо откалиброванный. И совершенно не нужный там, где она его сейчас применяла.

Это не значило убрать его совсем.

Это значило - перестать прятаться за ним как за аргументом.

Она вернулась к окну. Внизу заканчивалась пятница - редкие машины, пара голосов, тишина, которая бывает в городе только поздно. Вика стояла и смотрела, и что-то в ней было тихим - не пустым, а тихим. Как бывает после разговора, который стоил усилий, но оказался нужным.

Она закрыла окно и пошла спать. Заснула не сразу - лежала и смотрела в потолок, и думала про то, что в понедельник будет объект, и технический вопрос по кровле, и столяр с промежуточным отчётом. Всё конкретное, всё по делу.

И Северов - который не ждёт, и который об этом сказал.

В субботу она поехала на объект.

Без причины, формально - просто посмотреть, как идут работы. Прораб работал по субботам, рабочие тоже. Вика приехала к одиннадцати, прошла по первому этажу, поговорила с прорабом про кровлю. Всё шло по графику - даже чуть быстрее.

Двор был тихий, солнечный. Асфальт уже частично вскрыт - готовили основание под булыжник. Трещины, из которых лезла трава, теперь были частью раскопа, и трава торчала по-другому - не упрямо, а растерянно, как будто не поняла, что случилось.

Вика прошла к флигелю.

Переход между корпусами был размечен - колышки, ве-

рѳвка, контур будущей конструкции на земле. Она шла вдоль верѳвки и смотрела. Переход выйдет узким, накрытым, с одним окном в торце - свет будет падать утром, когда солнце с востока. Она думала об этом ещѳ на этапе проектирования и сейчас проверяла: да, именно так. Утром здесь будет хорошо.

- Вы сегодня не предупредили.

Она обернулась.

Северов стоял у входа во флигель - в рабочей куртке, с планом в руках. Смотрел на неѳ без удивления.

- Вы тоже, - сказала она.

- Я здесь часто по субботам.

- Я знаю.

Он подошѳ ближе - не к ней, к верѳвочному контуру. Посмотрел на разметку.

- Правильно поставили?

- Да. - Вика достала блокнот. - Можете проверить по плану - вот эта линия и вот эта.

Он сверился. Кивнул.

- Хорошо.

Они стояли рядом с разметкой - не рядом друг с другом, с промежутком, как стояли всегда на объекте. Прораб что-то кричал рабочим у ворот. Где-то наверху - на кровле - стучали.

- Я встречалась с Волковым, - сказала Вика.

Тишина. Не долгая - секунды три. Но она была.

Северов не повернулся сразу. Смотрел на разметку.

- Когда?

- Вчера вечером.

Он наконец повернулся. Смотрел на неё - ровно, без вопроса в лице, но и без того спокойствия, которое бывает, когда человеку всё равно.

- Зачем?

- Я вам говорила - хочу слышать сама.

Пауза.

- И?

Вика смотрела на него прямо.

- Факты совпадают с тем, что вы рассказали. - Она убрала блокнот. - Остальное - его.

Северов смотрел на неё ещё секунду. Что-то в нём изменилось - она не смогла бы назвать что именно. Не расслабился, не закрылся. Что-то другое. Как меняется человек, когда получает информацию, которую не ожидал.

- Он говорил о том, что я пытался выйти на него?

- Да.

- Что сказал?

- Что не хотел разговора.

Пауза.

- Понятно, - сказал Северов. Тихо, почти себе.

Вика не добавила ничего. Она сказала то, что хотела сказать - ровно столько. Остальное было не её.

Прораб подошёл с вопросом про глубину основания под

булыжник - технический, конкретный, требующий ответа. Вика переключилась мгновенно: достала план, объяснила, ответила на уточнение. Три минуты - и прораб ушёл.

Солнце к этому времени перешло через зенит и легло на двор с другой стороны - длинные тени от флигеля, свет на старой кладке. Вика посмотрела на стену флигеля: кирпич здесь был темнее, чем на главном корпусе - другой обжиг, другое время. Они не совпадали по цвету, и это было правильно. Она с самого начала говорила: не нужно совпадение. Нужен разговор.

Два разных времени, которые стоят рядом и оба видны.

Северов смотрел туда же - на стену флигеля, на кирпич. Она не знала, думает ли он про то же самое. Наверное, нет. Наверное, он думал про Волкова - про «не хотел разговора» и про то, что два года назад получил молчание в ответ на попытку. Это тоже что-то, с чем живут. По-своему.

- Он нормально выглядит? - спросил Северов.

Вика не сразу поняла.

- Волков?

- Да.

Она подумала секунду.

- Да, - сказала она. - Нормально. Работает, строит. Небольшие загородные объекты, без инвесторов.

Северов кивнул. Не «хорошо» - просто кивнул. Это было что-то другое, чем его обычные кивки - в нём было что-то, что она не стала называть вслух.

- Он сказал - перестал нести, - добавила она. - Про то, что между вами было. Сказал, что это не прощение, но легче.

Молчание.

Северов смотрел на кирпич флигеля. Долго - секунд десять, может больше.

- Это честно, - сказал он наконец.

- Да.

- Я рад, - сказал он. Тихо, почти про себя. - Что легче.

Вика посмотрела на него. Он не смотрел на неё - на стену. И в этом «я рад» не было демонстрации. Просто - сказал, как говорят правду, которую давно знали, но не произносили вслух.

Прораб снова появился в дальнем конце двора - что-то объяснял рабочим, показывал руками. Жизнь объекта шла своим ходом, не останавливаясь под разговоры.

- Спасибо, - сказал Северов.

- За что?

- За то, что сказали.

Она посмотрела на него.

- Я не для вас ходила, - сказала она. - Для себя.

- Я знаю, - сказал он. - Поэтому и спасибо.

Домой она шла пешком - часть пути, не весь. Просто чтобы пройтись. Просто потому что иногда ей нужно было пройтись.

Июнь был уже близко - воздух стал другим, плотнее и теп-

лее, с вечерним запахом, который у каждого города свой. У Москвы - асфальт, листья, где-то далеко вода. Вика шла и думала.

Думала про «поэтому и спасибо». Про то, что он понял: она ходила не для того, чтобы принести ему отчёт. И не осудил - просто принял. Это тоже был его язык - принимать то, что есть, без попытки переназначить.

Думала про Волкова - про «он знает, что сделал, это видно по тому, что вы здесь». Она тогда не ответила. Сейчас думала: что бы она ответила.

Не знала.

Она остановилась у светофора. Красный. Рядом - женщина с коляской, двое подростков с едой, старик с газетой под мышкой. Обычная московская суббота, всё на своих местах.

Загорелся зелёный.

Вика перешла и достала телефон. Открыла переписку с Мариной и написала: «Встретилась с Волковым. Расскажу в понедельник.»

Марина ответила через минуту: «Ждать до понедельника - это жестоко.»

Вика усмехнулась и убрала телефон.

Она шла и думала про понедельник. Про объект, про кровлю, про столяра с отчётом. Про то, что Северов будет там - без расписания, как всегда, - и они будут говорить про смету и про переход между корпусами.

И про то, что после «поэтому и спасибо» - что-то ста-

ло немного другим. Не перевернулось, не сдвинулось резко. Просто - немного другим. Как меняется комната, когда открывают окно: ничего не изменилось и при этом - стало иначе.

Она почти приняла это.

Почти - потому что в воскресенье вечером, когда она уже собиралась ложиться, пришло сообщение.

Незнакомый номер. Три слова.

«Нам надо поговорить.»

Она смотрела на экран несколько секунд. Номер - незнакомый, но что-то в нём было. Код города. Она видела этот код - давно, очень давно, и именно поэтому у неё вдруг стало очень тихо внутри.

Тихо и холодно.

Она не ответила.

Положила телефон экраном вниз и долго смотрела на стену.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.